

ГЛАВНАЯ КИНОПРЕМЬЕРА 2015

ЛЕВ
КОЛОДНЫЙ

КТО
НАПИСАЛ

"ТИХИЙ ДОН"?

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ

Главная кинопремьера 2015

Лев Колодный

**Кто написал «Тихий
Дон»? Хроника
литературного расследования**

«Алисторус»

2015

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Колодный Л. Е.

Кто написал «Тихий Дон»? Хроника литературного расследования
/ Л. Е. Колодный — «Алисторус», 2015 — (Главная
кинопремьера 2015)

Михаил Шолохов написал свое главное произведение, роман-эпопею «Тихий Дон», в возрасте двадцати семи лет. Многие долго не могли — и не желали — поверить в то, что такой молодой человек способен написать одно из центральных произведений в русской литературе. Десятилетиями вопрос об авторстве «Тихого Дона» оставался одним из самых обсуждаемых в отечественном литературоведении. Новая экранизация романа-эпопеи, которую мастерски снял С. Урсуляк, послужила началом нового витка сплетен и домыслов вокруг «Тихого Дона». В архивах не сохранилось ни одной страницы рукописей первого и второго томов романа — и это играло на руку недоброжелателям М. Шолохова. Известный московский журналист Л. Колодный в течение многих лет собирал свидетельства друзей и знакомых Шолохова, очевидцев создания эпопеи, нашел рукописи первого и второго томов романа, черновики, варианты, написанные М. Шолоховым. Предлагаемая книга — увлекательное литературное расследование, которое раз и навсегда развеет все сомнения по поводу авторства «Тихого Дона».

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Колодный Л. Е., 2015
© Алисторус, 2015

Содержание

«Тихий Дон» – конец мифа	6
Предисловие к первому изданию 1995 года	9
Предисловие ко второму изданию 2000 года	11
Предисловие к третьему изданию 2005 года	13
Книга первая. Друзья и письма	17
Глава первая. «На Плющихе в долгом переулке...»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лев Колодный

Кто написал «Тихий Дон»? Хроника литературного расследования

© Колодный Л.Е., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

*Посвящаю жене Фаине Колодной, которая помогла тайно
отксерокопировать рукописи «Тихого Дона»*

Книга предваряется статьей почетного профессора Уэльского университета Брайана Мерфи, известного шолоховеда, переводчика романа на английский язык. Она вышла после первых статей в СМИ Москвы о найденных рукописях в научном журнале New Zealand Slavonic Journal, посвященном славянской филологии в 1992 году. И явилась первым откликом специалиста.

Брайан Мерфи первым опубликовал в 1996 году рецензию на книгу в английском журнале Slavonic and East European Review, специализирующемся на славянской и восточно-европейской филологии. Он ссылается на публикации Льва Колодного в СМИ, давшие ему основания считать проблему авторства «Тихого Дона» решенной.

«Тихий Дон» – конец мифа

В Москве Л. Е. Колодный, кажется, окончательно положил конец постоянным заявлениям относительно того, что лауреат Нобелевской премии Шолохов – плагиатор.

Михаил Шолохов родился в 1905 году и опубликовал два сборника рассказов в 1925 и 1926 годах. В конце 1925 года Шолохов начал работать над шедевром – романом «Тихий Дон». Первые две книги романа появились в 1928 году и вызвали сенсацию. Произведение давало полную картину жизни казачества до Первой мировой войны, прослеживало судьбы наиболее лояльных элементов царской армии. Заканчивалось сочинение трагическим столкновением белых и красных на Дону.

Почти в то же самое время некоторые представители московской интеллигенции задались вопросом: могла ли такая работа выйти из-под пера молодого человека, чье школьное образование прервалось из-за революции в 13 лет? Стали распространяться слухи о плагиате. Специально назначенная комиссия рассмотрела суть вопроса. Возглавил комиссию ветеран советской литературы писатель А. Серафимович. Члены комиссии просмотрели рукопись, которую Шолохов привез в Москву, – около тысячи страниц, написанных его рукой. К своему удовольствию, они заявили, что нет никаких причин обвинять автора в плагиате.

Третья книга «Тихого Дона» встретила при появлении в печати большие трудности. Эта часть романа рассказывает главным образом о казачьих восстаниях против советской власти в 1919 году. Молодые казаки в сущности не были за белых, но они взялись за оружие перед лицом невиданных репрессий, которые обрушили на их станицы большевики, насилуя женщин, вынося бесчисленные приговоры невинным жертвам.

В тот наиболее критический момент гражданской войны продвижение коммунистов на юг было остановлено. Тридцать тысяч лучших российских солдат-казаков взялись за оружие, чтобы сдержать продвижение Красной Армии на Дон, в этот важный регион. Шолохов все эти события пережил сам, будучи ребенком. В двадцатые годы он много общался с бывшими повстанцами, особенно с одним из лидеров казачьего восстания против советской власти – Харлампием Ермаковым, который стал прототипом главного героя произведения – Григория Мелехова.

Шолохов показывал в романе эксцессы советской политики и вынужден был бороться с консервативными редакторами за право издать то, что написал. В 1929 году он продолжил публикацию романа в ультраортодоксальном журнале «Октябрь». Но эта публикация после появления 12-й главы была приостановлена. Е. Г. Левицкая, друг Шолохова, убедила Сталина не делать сокращений в романе, на которых настаивали редакторы (в этом убедили Сталина М. Горький и сам М. Шолохов. – *Прим. ред.*). Судя по всему, Сталин внял ее доводам. И благодаря согласию Сталина окончание третьей книги было опубликовано в журнале в 1932 году. На следующий год вышла третья книга.

Колодный недавно показал, что причиной задержки публикации, которая выпала на долю четвертой книги, явилось главным образом мнение окружения Сталина, что Мелехов в соответствии с законами социалистического реализма должен был стать коммунистом. Шолохов не отказывался от своей точки зрения, заявив, что это является фальсификацией философии его главного героя.

Главы последней, четвертой книги романа начали публиковаться в 1937-м. «Тихий Дон» полностью не был опубликован до 1940 года.

Шолохов жил в небольшом городке в центральной части Дона. Справедливости ради надо сказать, что в 30-х годах писатель неоднократно рисковал жизнью, в годы репрессий защищая местных руководителей от неправого суда. Но в послевоенные годы он стал пользоваться дурной славой за нападки на писателей-диссидентов, в частности, Синявского и Даниэля, попав-

ших на скамью подсудимых. В силу этого Шолохов был отвергнут большей частью русской общественности. Старые обвинения в плагиате возобновились в 1974 году в связи с публикацией в Париже анонимной монографии под названием «Стремя «Тихого Дона»». В ней выдвигалась точка зрения, что произведение главным образом написано белым казачьим офицером писателем Федором Крюковым. А. Солженицын написал предисловие к этой изданной им книге. Облако обвинения вновь стало расти в связи с поддержкой этой точки зрения другими писателями, в частности, Роем Медведевым. Авторство Крюкова, тем не менее, отвергнуто Гейром Хетсо, который компьютерным способом исследовал «Тихий Дон» и однозначно установил, что создатель всего произведения – Шолохов. Потенциальный скандал, однако, выглядел слишком привлекательным, чтобы его оставить в покое. И до сих пор некоторые исследователи упражняются в альтернативных теориях; одна из них, например, пропагандировалась длительное время на ленинградском телевидении.

Колодный дал решительный отпор такого рода спекуляциям, нанес, как говорят французы, «coup de grace», т. е. последний удар палача, лишаящий приговоренного жизни, опубликовав несколько оригинальных рукописей Михаила Шолохова. Колодный обнаружил тот факт, что 646 страниц неизвестных ранних рукописей находятся в одном из частных архивов. На некоторых страницах стоят даты, помеченные рукой Шолохова, начиная с «осень 1925 года». В марте 1927 года автор подсчитал, что первая часть к тому времени содержала 140 тысяч печатных знаков, что составляло в среднем три печатных листа текста. Черновики представляют исключительный интерес не только потому, что доказывают авторство Шолохова, но и потому, что они проливают свет на реализацию его планов, технологию творчества. Автор первоначально собирался описать казнь большевиков Подтелкова и Кривошлыкова в 1919 году. Но для того, чтобы дать читателям представление о том, кто такие были казаки, он счел необходимым начать повествование с событий 1912 года, показать жизнь такой, какой она была во времена прежнего режима.

Шолохов делал большое число исправлений в тексте, заменял не только отдельные слова и фразы, но и переписывал целые главы.

Первоначально первая книга начиналась с отъезда Петра Мелехова на военные сборы в лагерь. Благодаря рукописям ясно, что затем писатель решил начать хронику с описания убийства казаками турецкой бабушки Григория Мелехова. В ранней рукописи автор за главным героем оставил фамилию прототипа Ермаков, хотя изменил его имя Харлампий на Абрам. После того, как Абрам Ермаков убил первого германского солдата, он почувствовал отвращение к войне. Эта сцена не осталась в романе, но находит параллель в окончательном тексте «Тихого Дона», в первой книге, третьей части, главе V, где Григорий шашкой рубит австрийского солдата.

4 февраля 1992 года «Московская правда» опубликовала неизвестную 24-ю главу «Тихого Дона», которая описывает первую брачную ночь Григория. Эта сцена резко контрастирует с предыдущими любовными его похождениями, особенно с казачкой, которую он изнасиловал. Она была девственницей. Удивительно, но эту сцену убрал сам автор, поскольку она расходилась с генеральной линией произведения, где Григорий предстает благородным, в отличие от окружавших его зверствовавших сослуживцев.

Сегодня, когда обвинениям в плагиате поставлен надежный заслон, мы можем надеяться, что появится возможность публикации ранних версий «Тихого Дона».

Колодный Л. Вот она, рукопись «Тихого Дона» (с заключением судебно-медицинского эксперта почерковеда Ю. Н. Погибко) // Московская правда, 25 мая 1991 г.

Колодный Л. Рукописи «Тихого Дона» // Москва. № 10. 1991 г.

Колодный Л. Рукописи «Тихого Дона». С автографом Шолохова // Рабочая газета, 4 октября 1991 г.

Колодный Л. Кто издаст мой «Тихий Дон»? // Книжное обозрение, 1991 г., № 12.

Колодный Л. Неизвестный «Тихий Дон» (с публикацией первой, ранней версии «Тихого Дона», часть 1, глава 24) // Московская правда, 4 февраля 1992 г.

Рукописи «Тихого Дона» // Вопросы литературы, № 1, 1993 г.

Черные черновики // Вопросы литературы, № 6., 1994 г.

Брайан Мерфи, профессор (Англия)

Предисловие к первому изданию 1995 года

В нем автор объясняет, какими мотивами руководствовался, решив вступить в полемику с сочинениями, изданными такими авторами как Александр Солженицын, Рой Медведев, которые оспаривают авторство Михаила Шолохова в отношении романа «Тихий Дон».

Начал я работу над этой книгой, когда был жив сочинитель «Тихого Дона». Тогда монографии, где оспаривалось его авторство, выходили далеко от Москвы. Одна из них – под псевдонимом Д* – издана стараниями А. И. Солженицына под названием «Стремя «Тихого Дона»». Другая книга написана не скрывавшим своего авторства Роем Медведевым, в прошлом – диссидентом, затем народным депутатом СССР, членом ЦК КПСС, известным публицистом и историком. Книга Д* напечатана на русском языке в Париже, книга Роя Медведева – на английском и французском языках в Лондоне и Париже.

Заканчиваю свою работу, когда обе эти монографии перестали быть тайной за семью печатями для российского читателя, давно наслышанного о них: в результате в его уме посеяно сильное сомнение относительно авторства Михаила Шолохова. На родине писателя, на Дону, появилась статья ростовского доцента, где сделана попытка сбросить Шолохова с пьедестала. В столичном журнале обнародована глава из давней книги Роя Медведева, который заявляет, что у «Тихого Дона» не один, а два автора... Никита Струве, директор издательства «Имка – Пресс», в свое время выпустившего «Стремя «Тихого Дона»», в московской газете рекомендует книгу нашему читателю...

Зимой и весной 1990 года перед глазами миллионов людей на экранах телевизоров популярное «Пятое колесо» катило по костям покойного писателя, утверждая, что он совершил плагиат. Те, кто катил это колесо, пытались доказать, что автором романа является Федор Крюков, умерший в начале 1920 года, забытый русский писатель, уроженец Дона.

Чем можно опровергнуть предположения, гипотезы, версии, развиваемые столь авторитетными людьми, как А.И. Солженицын, Р.А. Медведев, анонимный литературовед Д* и другие ныне объявившиеся в разных городах страны литературоведы, а вслед за ними добытчиками сенсаций для ТВ? Только документами, рукописями Михаила Шолохова, некоторые из которых хранятся в Пушкинском Доме.

Но там нет ни одной страницы рукописей первого и второго томов романа. А именно первые два тома «Тихого Дона», вышедшие в 1928 году, породили сомнение относительно авторства.

Такому странному на первый взгляд обстоятельству, когда половина романа частично сохранилась, а половина – нет, есть вроде бы логическое объяснение. Ведь дом писателя на Дону подвергся обстрелу, когда станица Вешенская оказалась на линии фронта в 1942 году. Тогда на пороге дома при налете была убита мать писателя. В те же часы полетели по станице листы рукописей, исписанные рукой Шолохова. Солдаты использовали их на курево. Есть очевидцы той давней катастрофы. Часть листов была подобрана и сохранена людьми, после войны вернувшими их автору.

Казалось бы, такая трагедия, когда на белые листы капает кровь матери, когда рукописи гибнут в часы народной трагедии, могла бы охладить пыл опровергателей, найти в сердцах людей сострадание, вызвать гнев против тех, кто без особых оснований высказывает сомнения относительно авторства...

Начиная свою работу, я ставил две задачи – минимум и максимум. Первая была для меня вроде беспроигрышной лотереи. Следовало пройти по следам писателя в пространстве, хорошо мне знакомом, по Москве, и написать краеведческую работу под условным названием

«По шолоховской Москве». В этот минимум входил поиск шолоховских адресов, его знакомых и друзей, которые могли что-то вспомнить о нем.

Вторая задача состояла в том, чтобы во время этого поиска найти, если повезет, какие-нибудь явные доказательства авторства Шолохова. Я рассуждал так: если, предположим, было совершено литературное преступление, то, как при любом преступлении, должны остаться хоть какие-то его следы, доказательства – либо косвенные, либо прямые, как говорят криминалисты, вещдоки. То есть рукописи.

Меня возмущало, что об этой проблеме могли свободно говорить и писать только за границей. Почему молчат на родине писателя? Почему хоронят память о Федоре Крюкове, которого Максим Горький ставил в пример молодым советским писателям, призывал у него учиться знанию родного края? Если версия о плагиате – клевета, то она должна быть доказательно разоблачена. Если этого не сделать, то она, как снежный ком, катящийся с горы, будет только расти. И поднимется так, что затмит свет истины.

Я не желал подчиняться диктату забравшихся на вершину власти околотитературных заправил, которые не позволяли упоминать в печати имя возлюбленной Маяковского, названия запрещенных сочинений Булгакова, Платонова, Ахматовой, Гроссмана, выходивших беспрепятственно на Западе, где появилось в 1974 году «Стремя «Тихого Дона»». Действие рождает противодействие. Эта книга – из их числа.

Что еще меня вдохновляло? Известная мысль: рукописи не горят. Хотя всю жизнь я убеждался в противном. Видел, как горят рукописи, которые сжигали во дворах под присмотром дворников, которым летом 1941 года доверялось уничтожать архивы учреждений перед сдачей моего родного города на Днепре.

Жгли рукописи и в Москве в октябре 1941 года, когда германские танки вот-вот могли прорваться к Соколу, а оттуда по шоссе – к Кремлю. Но все тогда не сожгли, все тогда не сгорело. Поэтому и пишу я эту книгу.

Итак, пойдем по следам «Тихого Дона», по следам Михаила Шолохова, оставленным на небольшом пространстве в центре столицы.

Предисловие ко второму изданию 2000 года

После первого издания книги, где я рассказал, как были найдены рукописи «Тихого Дона», проанализировал их, прошло пять лет. Казалось бы, срок достаточный, чтобы вопрос о так называемом «плагиате» романа был закрыт. Но мифов, легенд, выдумок, псевдонаучных монографий, статей написано так много, а инерция машины, запущенной Александром Солженицыным, настолько сильна, что поток лжи продолжает литься на голову покойного автора.

Так, в Самаре вышел объемистый, в 500 страниц, сборник «Загадки и тайны «Тихого Дона»», составленный из сочинений шести авторов. Главный среди них – Александр Солженицын, представленный «Не вырванной тайной» – предисловием к книжке И. Н. Медведевой-Томашевской «Стремя «Тихого Дона»», главой из книги Александра Исаевича «Бодался теленок с дубом» и печатавшейся за границей его статьей «По донскому разбору». Все три сочинения пронизаны одной навязчивой мыслью нашего классика, что Михаил Шолохов не мог быть автором гениального романа.

В сборник включена полностью изданная в Париже в 1974 году стараниями все того же Александра Солженицына незавершенная работа И. Н. Медведевой-Томашевской. И более свежие публикации – авторы Л.З. Аксенова (Сова) и Е.В. Вертель опровергают компьютерное исследование скандинавских ученых, доказавших авторство Михаила Шолохова. Опубликовано сообщение израильского филолога Зеева Бар Селлы, бывшего соотечественника, обстреливающего «Тихий Дон» с холмов Иерусалима. Триста страниц сборника занимает монография А. Г. Макарова и С. Э. Макаровой «К истокам «Тихого Дона»».

В похвальной рецензии на сборник, напечатанной «Московскими новостями», сказано в заключение:

«Вопрос о том, кто является автором «Тихого Дона» – Шолохов или, например, Крюков, представляется Макаровыми некорректным. Вскрывая разные слои, разные уровни редактуры, они доказывают, что у хрестоматийного известного текста было несколько разных авторов – автор, соавтор, несколько редакторов: один из них – Михаил Шолохов. Не случайно его черновик «Тихого Дона» не сохранился, а, по словам будущего лауреата Ленинской, Нобелевской и прочих премий, погиб в 1942 году во время обстрела станицы Вешенской.

Вопрос – будет ли когда-нибудь названо имя другого или других авторов «Тихого Дона» – остается, таким образом, открытым. Как, впрочем, и другой: действительно ли нет правды на земле, и нет ее и выше?».

Естественно, что в этом сборнике не нашлось места хотя бы для одной главы моей книги. Она не удостоена внимания не только средств массовой информации. Проигнорировал открытие институт мировой литературы во главе с директором Феликсом Кузнецовым, членом-корреспондентом Российской академии наук. Год пролежала моя книга на его столе, ни один научный сотрудник не дал о ней рецензии, лишь руководитель Шолоховской комиссии доктор филологических наук В.В. Петелин опубликовал несколько строк о книге в газете... «Сельская жизнь»!

Тысячи страниц заполнены версиями, где доказывается, мол, у «Тихого Дона» несколько авторов, редакторов-соавторов, а истинному творцу отводится второстепенная роль. Все эти выдумки подогревались мифом, что черновики в природе нет, их чуть ли не уничтожил сам Михаил Шолохов, чтобы утаить имя подлинного сочинителя. Но они есть! И принадлежат Михаилу Шолохову. Нигде и никогда он не говорил, что черновик «Тихого Дона» погиб во время артобстрела станицы. Писатель хорошо знал, где и у кого хранятся в Москве рукописи двух первых книг, которые найдены мною в конце 1983 года в семье погибшего на фронте друга писателя.

Впервые сообщая об этом в «Московской правде» в 1990 году, я не мог назвать конкретно, у кого именно находится рукопись «Тихого Дона». Семья, где хранился бесценный архив, связала меня словом не разглашать фамилии и адреса из страха, что расплодившиеся охотники за драгоценными рукописями выйдут на след беззащитных женщин.

В 1997 году умерли мать и дочь, хранившие в московской квартире архив Михаила Шолохова. Он перешел в руки наследников. Не связанный больше словом, я могу не только назвать имена покойных владельцев рукописи, но и опубликовать факсимильным способом часть московского шолоховского архива.

Мне с большими трудностями удалось ксерокопировать рукописи «Тихого Дона». Две главы романа 1925 года в ксерокопиях переданы мною институту мировой литературы в 1995 году, на собрании в институте, посвященном 90-летию Шолохова. Я скопировал весь черновик первой части «Тихого Дона», 85 страниц, а также начальные страницы второго и третьего вариантов первой части, первые страницы второй, третьей и четвертой частей, образующих две книги романа. Они – в этой книге. Публикую десять страниц «черных черновиков» и две страницы, пронумерованные цифрами 111 и 112, где видны следы значительной авторской правки.

В книгу впервые вошла глава, описывающая встречу в 1930 году в станице Шолохова и прокурора Курской области Л.А.Сидоренко, который провел частное расследование проблемы авторства. Тогда расплодились версии о плагиате.

Впервые публикую в книге заключение Института судебных экспертиз Министерства юстиции СССР, который провел в 1989 году по моей инициативе графологический анализ рукописи «Тихого Дона». Оригинал документа передан мною музеем М. А. Шолохова. В книге помещены снимки, документы, дающие представление о том, как была найдена рукопись, а также письма профессора Германа Ермолаева из Принстонского университета и профессора Брайана Мэрфи, переводчика «Тихого Дона» в Англии, в мой адрес. Они раньше филологов ИМЛИ нашли слова, чтобы признать мой приоритет.

Второе издание, как и первое, стало возможно благодаря П.Ф. Алешкину, руководителю издательства «Голос». Помог В. И. Ресин, первый заместитель мэра Москвы в правительстве города.

Хочу особо поблагодарить семью Маргариты Константиновны Клейменовой, вдовы Героя Советского Союза Ивана Клейменова, друга Михаила Шолохова, и его дочь Ларису Ивановну Клейменову. Семья предоставила в мое распоряжение архив, подробно описанный в этой книге.

Я принадлежу к тем, кто убежден: правду нужно искать не на небесах, а на земле. История черновиков «Тихого Дона» подтверждает другую истину – рукописи не горят. Их рано или поздно находят.

Предисловие к третьему изданию 2005 года

В год столетия со дня рождения Михаила Шолохова третий раз выходит эта книга. Прошло десять лет со дня ее появления. Но их не хватило, чтобы Александр Солженицын показаться перед народом.

Первым из иностранных ученых, кто откликнулся на мою публикацию о рукописях, был Герман Ермолаев, крупнейший шолоховед на Западе. Из США на бланке Принстонского университета, факультета славянского языкознания и литературы, он прислал в Москву письмо на русском языке, датированное 8 декабря 1991 года со словами: *«Большое спасибо за «Рукопись «Тихого Дона». Это очень ценная и интересная публикация, веское доказательство авторства Шолохова»*. Ему попала на глаза статья в журнале «Москва» под названием «Рукопись «Тихого Дона»». То была первая публикация в толстом журнале. Но первое сообщение о НАЙДЕННЫХ рукописях появилось в «Московской Правде» 20 мая 1990 года под названием «Исток «Тихого Дона»». Газета напечатала две неизвестные главы первого варианта «Тихого Дона», начатого в 1925 году.

В Большом театре в день рождения писателя с участием правительства СССР состоялось торжественное собрание, посвященное М. А. Шолохову. Тогда я получил из Института мировой литературы пригласительный билет с местом в верхнем ярусе театра. В тот день можно было представить собравшимся ксерокопии рукописи романа и опровергнуть клевету с высокой трибуны. Но дирекция института не предложила мне это сделать публично.

В 1991 году по приглашению ИМЛИ я подробно рассказал сотрудникам института о найденных рукописях, что подтверждает информация в «Московской правде» от 27 февраля «Лекцию читает журналист». 25 мая в той же газете вышла большая статья «Вот она, рукопись «Тихого Дона»». В ней дано заключение института судебных экспертиз министерства юстиции СССР с выводом, что рукопись принадлежит М.А. Шолохову. В июле в «Пушкинском доме», ИРЛИ, в Ленинграде, выступил на встрече учителей русской литературы. Заведующая отделом советской литературы ИРЛИ доктор филологических наук Наталья Грознова заявила ТАСС: *«Эта находка – событие огромного масштаба, его трудно переоценить. Тихий Дон написан рукой Шолохова, для специалистов этот вопрос решен бесповоротно»*. Это заявление напечатали многие газеты СССР. Подобной оценки со стороны ИМЛИ не последовало.

Иную позицию, чем ИМЛИ, занял в Англии профессор Брайан Мэрфи, переводчик «Тихого Дона» на английский язык. В «Славянском журнале» («New Slavonic Journal») в 1992 году он опубликовал статью, начинавшуюся словами: *«В Москве Л. Е. Колодный, кажется, окончательно положил конец постоянным заявлениям, что лауреат Нобелевской премии Шолохов – плагиатор»*. Его статью перепечатала «Московская правда» 27 марта 1993 года. В послесловии редакции отмечалось: *«Печально, но мы можем вновь констатировать, что статьей, напечатанной в «Славянском журнале», Брайан Мэрфи опередил наших специалистов, которые до сих пор не высказались в печати своего мнения относительно исследования Льва Колодного»*. После выхода первого издания этой книги Брайан Мэрфи напечатал в лондонском журнале «Slavonic and East European Review» развернутую рецензию на книгу.

В январе 1995 года по инициативе доктора филологических наук В. В. Петелина, руководителя Шолоховской группы ИМЛИ, я сделал сообщение на текстологической комиссии института мировой литературы под председательством профессора Л. Громовой-Опульской, что подтверждает информация в «МК» от 1 февраля «Рукописи не горят». Как сказано в ней, *«филологи подивились, что Колодный представил ксерокопии шолоховских рукописей»*

На торжественном заседании в ИМЛИ, посвященном 90-летию писателя, при большом стечении публики я подарил институту ксерокопию первого варианта «Тихого Дона». Тогда

же выступил в Союзе писателей России на подобном заседании. Его вел председатель союза Валерий Ганичев.

Почему так подробно вспоминаю эти события и факты? Потому, что когда ИМЛИ в 1999 году выкупил рукописи «Тихого Дона» от имени директора института Ф. Кузнецова и профессора А. Ушакова, прокатилась волна публикаций, где белое называлось черным, история с рукописями преподносилась в извращенном виде.

«До недавнего времени никто не видел рукописи, не знал, где они находятся, не держал их в руках. И лишь в конце 1999 года Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН смог не только обнаружить, но и ксерокопировать эти рукописи, после чего обратился в правительство Российской Федерации с письмом: «После многолетних поисков Институту мировой литературы им. А. М. Горького РАН удалось разыскать считавшиеся утерянными рукописи 1-й и 2-й книг «Тихого Дона»». Так утверждал в журнале «Современник» (N 6, 2000 год) директор ИМЛИ Феликс Кузнецова.

Спрашивается, какие рукописи видел и держал я в руках в 1983 году, задолго до его заявления? О чем докладывал ИМЛИ неоднократно с 1991 года? О чем писал в газетах и журналах, в том числе дважды в «Вопросах литературы»? На что откликнулись филологи США и Англии? О чем сообщалось в научных журналах Новой Зеландии и Англии? Чьи ксерокопии подарил институту? О чем докладывал на текстологической комиссии ИМЛИ?

На X Съезде писателей России директор ИМЛИ с пафосом заявил:

«Хочу проинформировать вас о событии мирового значения, произошедшем буквально в эти дни и совпавшем с нашим съездом. Я имею в виду, что рукописи первого и второго томов «Тихого Дона» – самой великой книги XX века – живы! Они ксерокопированы в полном объеме и завершаются переговоры о их приобретении». На заседании Всероссийского общественного комитета по празднованию 95-летия Шолохова директор ИМЛИ заявил, что «найден рукопись знаменитого шолоховского романа»

Спрашивается, что ксерокопировал я задолго до X Съезда писателей России? На том съезде директор ИМЛИ обвинил меня в попытках продать рукописи, утверждая, что якобы я «поднимал ставку, сначала 50 тысяч долларов, потом 500 тысяч», что иначе, как злобной клеветой, я назвать не могу.

Директору ИМЛИ поверил директор «Пушкинского дома», сообщивший прессе, что «пять лет назад на рукопись вышел один из журналистов, запросивший с литераторов 500 тысяч долларов за указание ее местонахождения. Но недавно исследователи творчества Шолохова сами нашли рукопись». Хочу спросить директора ИРЛИ Николая Скатова, на что «вышел» я, о чем докладывал ИРЛИ в 1991 году?

ИМЛИ до последнего времени возглавлял Феликс Кузнецов, сыгравший в XX веке роль, которую в XIX веке исполнял в русской литературе Фаддей Булгарин, тесно связанный с тайной полицией, 111 отделением. Пусть читатель не подумает, что, вынося столь строгий приговор, я руководствуюсь слухами. В мемуарах «Волчий паспорт», изданных в 1998 году, Евгений Евтушенко пишет: «Одному сравнительно молодому, считавшемуся тогда прогрессивным критику Феликсу Кузнецову предложили руководящий пост в Московской писательской организации. Он приехал ко мне на дачу, чтобы уговорить меня сотрудничать с ним в будущем руководстве. Помявшись, добавил: «Только вот что, Женя, мне надо твердо знать, будешь ли голосовать за исключение диссидентов?» – «Каких именно?» – спросил я. – «Ведь все зависит от каждого конкретного случая». – «Ну, какие будут», – опуская глаза, сказал он. «Но ведь кто-то может быть ни в чем не виноват», – возразил я. «Есть люди, которые лучше нас знают, кто виноват, кто нет», – торопливо ответил этот современный Клим Самгин».

С «людьми, которые лучше нас знают, кто виноват, кто нет», тесно общался господин Кузнецов, будучи секретарем Московской писательской организации. Он травил писате-

лей, выпустивших «Метрополь», вкупе с «литературоведами в штатском», которые лучше его знали, кто виноват, кто нет.

Выступив с сенсационным заявлением о «найденных рукописях» Кузнецов поставил не только себя, но и уважаемый институт в ложное положение. Десятки раз в СМИ (ТАСС, ИТАР-ТАСС, «Правда», «Известия», «Московская Правда», «Аргументы и факты», «Вечерняя Москва», «МК», «Молот», «Рабочая трибуна», журналы «Москва», «Вопросы литературы», Первый канал, Второй канал, Московское радио) я рассказывал о найденных рукописях, защищал авторство Шолохова, боролся с клеветниками. В 1995 году вышла книга «Кто написал «Тихий Дон»», хорошо известная директору ИМЛИ. В ней проанализирован текст рукописей. После выхода книги Ф. Ф. Кузнецов в своем кабинете в присутствии В. В. Петелина предложил мне штатную должность научного сотрудника и высказал мнение, что работа заслуживает присуждения без защиты диссертации *Honoris causa* – за заслуги – научной степени. Но с условием, что я сообщу, у кого хранится рукопись и передам ее институту, что тогда по причинам, о которых речь идет в книге, я при всем моем желании не мог сделать.

К слову сказать, я неоднократно пытался устно и в письмах убедить хранительницу рукописи передать ее государству. В 1990-91 годах сообщил о них в ЦК КПСС, встречался с руководящими работниками, ведавшими идеологией, помощником Генерального секретаря М. Горбачева академиком Фроловым. В этом мне помогал писатель Георгий Пряхин, тогда заместитель заведующего отделом ЦК КПСС.

Директор института мировой литературы не только присвоил мой приоритет, но и ввел в заблуждение правительство, докладывая, что якобы ИМЛИ занимался *«многолетними поисками»* рукописей. Ничем подобным институт не занимался, не выступал в годы «перестройки» против травли, которой подвергся покойный писатель в СМИ в обстановке вседозволенности, прикрываемой флагом «плюрализма мнений».

Искать владельцев рукописей ИМЛИ начал весной 1998 года после моей информации 25 февраля 1998 года в «Известиях». Тогда я впервые сообщил, что рукопись *«осталась в Москве в семье друга, который погиб на фронте»*. Цитирую «Известия»: *«Известному московскому журналисту Льву Колодному удалось ксерокопировать рукопись, опубликовать ряд фрагментов, не вошедших в канонический корпус романа, и сделать этот факт достоянием читателей и ученых»*. Та публикация не осталась незамеченной ИМЛИ, в ней директор Ф. Кузнецов признался: *«Мы знаем, рукопись в Москве, знаем о работе Льва Колодного»*.

Свою порцию лжи растиражировал заодно с директором профессор А. Ушаков, заведующий отделом института. *«Несколько лет назад, – заявил он СМИ осенью 1999 года, – московский журналист Лев Колодный выступил с сенсационным заявлением, что удалось найти человека, у которого хранится рукопись романа. Мы, работники института, решили вести свой собственный поиск. Это было сложное дело. Я вычертил две схемы: «потомки Левицкой», редактора первой части романа, и «потомки Кудашева», близкого друга писателя. В конце концов мы в ИМЛИ пришли к выводу, что рукописи находятся в семье Кудашевых. Там мы их нашли год назад»*. Зачем было чертить схемы, если любой исследователь творчества Шолохова осведомлен, что другом Михаила Шолохова, погибшим на фронте, был Василий Кудашев? Получив из «Известий» информацию, с помощью правоохранительных органов без особых усилий ИМЛИ установил адрес семьи Кудашева. Профессор Ушаков выдумал, что якобы в книге я *«увел читателя в сторону, создав впечатление, что рукописи находятся у родственников Левицкой»*. Тот, кто прочтет книгу, увидит, что никого в сторону я не увожу.

Когда «Тихий Дон» оказался в ИМЛИ, директор института, прежде не изучавший биографию и творчество Шолохова, сам взялся за рукописи романа. Шолоховскую группу он распустил в 1995 году. Ее руководитель, всю жизнь занимавшийся исследованием творчества М. А. Шолохова, Виктор Петелин вынужден был уйти из института. По поводу выдумок Феликса Кузнецова в «Литературной России» им сказано: *«Кузнецов заявил о том, что якобы ИМЛИ*

нашел рукопись «Тихого Дона» в 1999 году. СМИ разнесли по свету эту сенсацию директора ИМЛИ, хотя рукопись за много лет до него нашел Лев Колодный. Это серьезное открытие XX века в области шолоховедения, глубокий сдвиг в сторону прояснения многих вопросов». Об этом В. В. Петелин подробно написал в своей книге «Жизнь Шолохова», изданной в 2002 году.

Хочу в третий раз выразить публично глубокую благодарность директору издательства «Голос – Пресс» секретарю Союза писателей России Петру Алешкину. Без него я бы не смог опубликовать в 1995 году рукопись, которую отвергли издательства. Москвы и Ростова – настолько глубоко пустила корни клевета даже на родине творца, для которой он так много сделал.

Но все плохое позади. Впереди юбилей. Отчеканена медаль по случаю столетия гениального писателя. В Москве решено открыть памятник автору «Тихого Дона». Им является Михаил Александрович Шолохов, в чем вряд ли кто теперь усомнится.

Книга первая. Друзья и письма

(Косвенные доказательства)

Глава первая. «На Плющихе в долгом переулке...»

Глава первая, которая начинается с воспоминаний юности, объясняющих личный интерес автора к Шолохову, побудивший его обратиться к умиравшему писателю с несколькими вопросами о его прошлом, на которые были получены короткие, но точные ответы. Они помогли пойти с самого начала по верному пути. Поэтому читатель узнает, в какой московской гимназии учился будущий писатель, где жил на Плющихе в 1914–1916 годах, будучи гимназистом, а позднее – московским безработным и разнорабочим, когда перед ним захлопнулись двери Московского университета, куда он безуспешно постучался, не имея аттестата зрелости и путевки комсомола на учебу. Мы узнаем имена некоторых давних знакомых и друзей Михаила Шолохова в Москве, где он собирался работать и жить, ради чего даже успешно судился с соседями, чтобы получить жилплощадь в столице. Некоторые ценные сведения об этом сообщает Мария Петровна Шолохова, дочь станичного атамана...

О том, что Михаил Шолохов подолгу жил в Москве, я узнал случайно и давно – летом 1950 года в студенческом общежитии МГУ на Стромынке. Там я познакомился со сверстником – Борисом Русиновым. Поразил он меня необычайно тем, что по дороге в столицу из Грозного заехал на Дон, добрался до Вешенской и там, по его словам, попросил Михаила Шолохова дать ему рекомендательное письмо для поступления в Московский университет. С этим письмом он и явился в приемную комиссию на Моховой.

Отца Борис Р. потерял в дни войны, мать работала уборщицей, получала мало. Однако она помогла сыну получить аттестат зрелости и снарядила в далекую дорогу...

Все это я узнал от Бориса Р., когда мы готовились в читальном зале к вступительным экзаменам. Примерно это якобы рассказал он и Михаилу Шолохову, принявшему его и обласкавшему в своем доме. Не исключено, что к шолоховской просьбе члены приемной комиссии филологического факультета, куда на отделение журналистики мы поступали, прислушались. Во всяком случае, Борис Р., в отличие от всех других известных мне абитуриентов, единственный сдавал все экзамены на пятерки, хотя ни эрудицией, ни какими-то другими талантами не выделялся среди обитателей Стромынки. Но даже всех пятерок для иногородних, а именно к ним относился Борис Р., оказалось мало. Требовалось наличие места в общежитии. Из-за этого злосчастного места все могло сорваться. Когда приемная комиссия решала судьбу Бориса Р., он, не теряя времени, отправился на почту и дал телеграмму в Вешенскую, еще раз обратившись за помощью.

Слушая тогда рассказы Бориса Р. о его хождении на Дон, я удивлялся доступности Михаила Шолохова, который в моем понимании уже тогда, после чтения в выпускном классе «Тихого Дона», был классиком. Удивлялся и поступку товарища, дерзнувшего прибегнуть к помощи писателя в таком деликатном деле, где каждый должен стоять сам за себя.

Бориса Р. приняли в университет. Еще через год при нашей мимолетной встрече я услышал, что спешит он (и не первый раз!) на Арбат, и не куда-нибудь, а в гости к Михаилу Шолохову, на московскую квартиру.

Вот тогда я окончательно поверил, что рассказ Бориса Р. о письме и телеграмме Шолохова – не фантазия.

Так я узнал, что у Михаила Шолохова есть в Москве постоянный адрес.

Прошло с тех пор свыше тридцати пяти лет. Недавно попалась мне на глаза в журнале публикация, в мельчайших деталях напомнившая тот давний эпизод, невольным свидетелем которого я стал, будучи абитуриентом на Стромынке.

Писатель Юрий Лукин, рассказывая о Михаиле Шолохове, с которым много лет сотрудничал, пишет:

«...всегда были с ним думы о молодежи, о достойной смене поколений. И о каждой отдельной, хотя бы единичной судьбе.

Недавно, разбирая старые папки, нашел я давнишнюю его телеграмму, такую характерную для него. Приведу ее полностью:

«Вешенская Рост. 234 76 30 23 5 9 Москва редакции Правды литературно-художественный отдел Юрию Лукину.

Дорогой Юрбор твою телеграмму получил спасибо тчк мною получена телеграмма Москвы следующего содержания двтчк прошу оказать помощь блестяще сдал экзамены университет отделение журналистики не принимают отец погиб на фронте мать уборщица возвращаться Грозный нет смысла телеграфируйте Москва Моховая 11 ректору Москва 76 Стромынка 32 квартира 382 Р. Борис двтчк тчк очень прошу тебя лично узнать и если игра стоит свеч помочь парню от моего имени обнимаю твой Шолохов».

Юрий Борисович Лукин – Юрбор, как называл его по дружбе Михаил Шолохов, забыл за давностью лет о том, как помогал по просьбе Михаила Шолохова абитуриенту... Но я все запомнил...

И вот наступило время, когда мне захотелось выяснить, где именно и когда жил Михаил Шолохов в Москве, а затем и большее: связи писателя с городом, не зная которых, многое не понять ни в судьбе автора «Тихого Дона», ни в судьбе романа, который по истечении XX века мы можем уже назвать вершиной литературы нашего столетия.

Естественно, что, начав поиски, первым делом связался с Юрбором – Юрием Борисовичем Лукиным, бывшим сотрудником «Правды» и другом Михаила Шолохова, о существовании которого узнал со слов своего приятеля в 1950 году, когда тот заходил в редакцию газеты за содействием Ю.Б. Дукина. Он поддержал и меня, направил на верный путь, подсказал некоторые имена, адреса... Так началась в 1983 году работа над книгой, которую читатель держит в руках. Она состоит из нескольких глав. Идя по следам Шолохова в Москве, я находил не только его старые адреса, но и людей, с которыми он в свое время был связан: с одними – мимолетными, с другими – долговременными узами. Поэтому в книге рассказывается не только об улицах и домах, где жил в разное время Михаил Шолохов, но и о его друзьях и знакомых, о шолоховском окружении. Оно состояло, как правило, из людей, чьи имена известны далеко не всем. В этом также проявляется одна из особенностей личности писателя, никогда не стремившегося водить дружбу с прославленными современниками. Он ценил не известность и славу. Приближал к себе, выделял по другим признакам – человеческим достоинствам, ценя в первую очередь память о прошлом, правдивость, искренность, бескорыстие.

В этой книге подробно читатель сможет узнать о верных друзьях Михаила Шолохова – писателе Василии Кудашеве, Евгении Левицкой, которой посвящен рассказ «Судьба человека», об Иване Погорелове, сыгравшем исключительно важную роль в судьбе писателя в 1938 году, позднее работавшем его помощником.

Встретился в Москве с родственниками этих друзей Михаила Шолохова. Мне посчастливилось увидеть хранящиеся у них семейные реликвии: письма, телеграммы, надписи на книгах, фотографии, дополняющие представления об авторе «Тихого Дона»...

Эти автографы приводятся в книге.

* * *

Решив пройти по маршруту Михаила Шолохова в Москве, я еще раз перечитал «Тихий Дон», обращая особое внимание на эпизоды, где описывается Москва, выискивая в них нечто автобиографическое. Сам писатель сказал однажды одному из литературоведов, Е.Ф. Никитиной: «Моя автобиография – в моих книгах».

Прибывший в Москву раненый Григорий Мелехов по дороге с вокзала в лечебницу, сидя в пролетке, своим здоровым правым глазом внимательно присматривался к многолюдному даже в поздний час городу, встретившему его гулом, звонками трамваев, гудками паровозов. Уличные фонари высвечивали желтые листья деревьев на бульварах. Заметил он, как на одном из них «за железной тесьмой ограды масляно блеснула вода пруда, мелькнули перильчатые мостки с привязанной к ним лодкой...». И казак с тоской вспомнил о широком и вольном Доне, сравнивая его с этой прирученной московской водой, которую «и то в неволю взяли за железной решеткой...».

Раненый Григорий слышал, как на перроне вокзала врач, передавая его сестре милосердия, назвал место, куда им следовало ехать:

– Глазная лечебница доктора Снегирева! Колпачный переулочек.

Это отнюдь не вымышленные наименования – и лечебницы, и московского переулка. За минуту, взяв в руки увесистый том суворинского издания «Адресной и справочной книги на 1913 год», не без основания называвшейся «Вся Москва», узнаю, что лечебница глазных болезней доктора К.В. Снегирева действительно располагалась в Колпачном переулке, 11. Этот тихий московский уголок на Покровке предстал тогда впервые перед Григорием Мелеховым (как и перед глазами девятилетнего Миши Шолохова) безлюдным. Сюда ночью долетали гудки паровозов с близкого Курского вокзала.

«Около трехэтажного дома извозчик остановился...»

Пройдя в Колпачный переулок и остановившись у здания под № 11, вы увидите выстроенный в начале века в стиле неоклассики трехэтажный дом с поднятыми над землей на уровне второго этажа полукружиями колонн, декоративными балкончиками, скорее похожий на жилой дом, чем на лечебницу. Возле него зеленеет типично московский небольшой сад, также упомянутый в романе: «К глазной лечебнице доктора Снегирева примыкал маленький садик». И он, как пруд, также не понравился Мелехову – здесь не было лесного приволья. Среди стриженных деревьев, прогуливаясь, больные слушали переливы церковных звонов Москвы.

Это и есть место, подробно описанное в романе «Тихий Дон», где произошло духовное перерождение верноподданного казака в стихийного бунтаря. Забурливший в груди протест впервые проявился в другой московской лечебнице, куда направили Григория Мелехова залечивать старую рану.

Адрес и этого госпиталя указан в романе, но не столь определенно, – Тверская улица. В этом госпитале в присутствии особы «императорской фамилии» произошел всем известный по роману эпизод, когда Григорий позволил себе дерзкую выходку, попросив «у императорской особы» разрешения «сходить «по малой нужде»».

На Тверской в Москве располагалось до революции много разных лечебниц – частных, а также казенных. Скорее всего, в романе выведена известная и поныне Московская глазная больница. В предвоенные годы она перемещена была со своего насиженного места на Тверской, передвинута, развернута и поставлена фасадом в переулке Садовских, где служит и поныне. Именно эта больница состояла под «покровительством государя-императора». Ее и мог посетить кто-нибудь из членов императорской семьи; не исключено, что этот визит происходил в том самом году, когда началась Первая мировая война, на глазах одного из пациентов – Миши Шолохова, лечившегося у московских окулистов...

Зная точное местоположение лечебницы доктора Снегирева, легко установить, что в «Тихом Доне» удостоились чести быть описанными московские Чистые пруды, как сейчас, так и в прошлом окруженные оградой.

* * *

Но прежде чем на воды этого пруда посмотрел Григорий Мелехов, увидел его своими глазами в конце лета 1914 года девятилетний Михаил Шолохов. Как раз тогда его отец, Александр Шолохов, впервые привез сына в Москву, чтобы показать глазным врачам. Вот тогда увидел и запомнил на всю жизнь будущий писатель золоченые перила лестницы лечебницы доктора Снегирева и высокое стенное зеркало, где увидел себя и коридор на втором этаже, куда поднялся с отцом. А затем, когда создавал «Тихий Дон», привел сюда Григория Мелехова.

В биографическом очерке, составленном со слов М.А. Шолохова автором монографии «Путь Шолохова» И. Г. Лежневым, сообщается такой эпизод:

«По окончании Каргинской школы у Миши стали болеть глаза, появилось нечто вроде воспаления роговицы, и в конце лета 1914 года, вскоре после начала Первой мировой войны, отец отвез его лечиться в Москву, в глазную лечебницу. Здесь мальчик пролежал несколько месяцев, носил темно-зеленые очки. А в следующем, 1915 году он был вновь в Москве – уже гимназистом в форменном костюме. Учился Миша в частной гимназии, жил на квартире с пансионом, получая письма и посылки из дома».

В какой гимназии учился Михаил Шолохов?

Москва, ее вокзалы, Большой театр, улицы, бульвары, окраины не раз упоминаются на страницах «Тихого Дона» и «Поднятой целины», автор которых хорошо знал Москву не по чужим описаниям, а по своим впечатлениям. Михаил Шолохов прожил в нашем городе не один год.

В беседах с исследователями, журналистами он не раз упоминал, что отец возил его в Москву лечиться. Но кроме кратковременного пребывания в Москве, ограниченного сроками лечения, будущий писатель жил в столице и постоянно.

В шолоховской автобиографии, датированной 1931 годом, есть такие строки:

«Учился в разных гимназиях (Москва, Богучар, Вешенская) до 1918 года».

Итак, Михаил Шолохов учился в московской гимназии.

В какой и когда?

На вопрос он сам отвечает более подробно в беседе с литературоведом В. В. Гурой:

«– Не окончив Каргинского училища, поступил в подготовительный класс Московской гимназии Шелапутина. Была в свое время такая гимназия. Учился в Москве года два-три...».

Значит, первое пребывание Михаила Шолохова в Москве относилось к дореволюционной поре и длилось оно «года два-три», когда будущий писатель ходил по улицам Москвы в гимназической форме. Было ему тогда 10–11 лет...

Где располагалась упомянутая московская гимназия, сохранилось ли ее здание? И на этот вопрос помогает получить ответ все тот же том книги «Вся Москва».

Просмотрел я вначале список частных гимназий, носивших обычно имена своих директоров, начальниц, попечителей... Нашел среди них гимназию Шписса и Шепотьевой. А Шелапутина – нет. Может быть, пришла в голову мысль, учился Михаил Шолохов в каком-нибудь другом учебном заведении? Стал смотреть все училища подряд и совсем было зашел в тупик. Оказалось, что именем Григория Шелапутина называлось на 1-й Миусской улице городское ремесленное училище, выпускавшее «сведущих ремесленников» – слесарей, токарей, кузнецов. На Большой Калужской находилось женское ремесленное училище также его имени. Справочник большой, ориентироваться в нем не так-то просто...

Более того, обнаружился на страницах «Всей Москвы» лечебный институт имени Шелапутина, Шелапутинский педагогический институт и реальное училище имени А. Шелапутина...

Может быть, Михаил Шолохов обучался не в частной гимназии, как пишут, а в казенной? Еще раз листаю пухлый том, на этот раз начав не с частных, а с казенных учебных заведений.

И оказалось, что обозначенная под № 9 московская гимназия, кроме номера, имела название – имени все того же Г. Шелапутина, по всей видимости, пожертвовавшего с другими Шелапутиными на «благое просвещение» крупный капитал, если на него удалось создать не только гимназию, но и реальное, ремесленное училища, педагогический и лечебный институты.

«Вся Москва» дает некоторое представление о гимназии, куда определили Михаила Шолохова в подготовительный класс. В гимназии было восемь классов, дававших отличное по тем временам среднее классическое образование.

Особое внимание уделялось гуманитарной подготовке, языкам.

В списке преподавателей – учителя русского, немецкого, французского языков и древних языков, то есть греческого и латыни.

Плата за обучение в казенных гимназиях была обычно ниже, чем в частных, но и здесь требовалось внести за год обучения сто рублей. Из этого ясно, что отец писателя, Александр Шолохов (умерший в 1925 году, когда в типографии набиралась первая книга сына), не жалел для обучения сына средств, хотел дать ему лучшее столичное образование. «Года два-три», проведенные Михаилом Шолоховым в московской гимназии, очевидно, не пропали даром. За это время в образовании, как известно, детям можно либо многое дать, либо напортить. По-видимому, годы учения в этой гимназии пошли на пользу, не испортили природного дара ребенка.

Трубецкой переулок, где располагалась гимназия имени Г. Шелапутина, пролегал прежде между плацем Хамовнических казарм и Малой Царицынской улицей. По бывшему плацу проходит теперь Комсомольский проспект, а улица носит название Малой Пироговской. Сюда можно быстро доехать на метро.

Выйдя из вестибюля станции «Фрунзенская», попадаешь в бывший Трубецкой переулок, носящий сегодня имя летчика Виктора Хользунова. В начале улицы Хользунова сооружен Дворец молодежи. Пройдя несколько сотен шагов от этого места мимо высоких жилых башен, попадаешь неожиданно в район старой Москвы, застроенный на рубеже последних веков исключительно учебными зданиями. Для своего времени это были первоклассные дома, выполненные с учетом всех требований: высокие, просторные, светлые аудитории и классы с большими окнами, прогулочные залы. Парадные фасады, украшенные колоннами, лепниной, еще до входа в стены здания настраивают на возвышенный лад.

На улице бывшего Трубецкого и Оболенского переулков под нынешним номером 14 стоит невысокое двухэтажное здание с пышно декорированным фасадом. С Трубецкого – парадный вход. Над ним – высокие арочные окна второго этажа. На стенах этого отлично сохранившегося дома установлены мемориальные доски с барельефами маршалов Советского Союза, в разные годы входивших в эту парадную дверь. За стенами здания располагалась до недавних дней Академия Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

Снимок этого же дома я нашел на страницах вышедшей в Москве в 1910 году «бесплатной премии» к газете «Московский листок» под названием «На рубеже двух веков». Это альбом, содержащий множество фотографий города, относящихся к первым годам XX века. На них изображены важнейшие городские события: революция 1905 года, именуемая «московской смутой», русско-японская война. В разделе «Народное просвещение» среди многих других фотографий оказался и снимок, который я долго искал. На нем виден только что построенный дом; вокруг него еще не успели убрать забор и лестницу. Подпись под снимком гласит:

«Гимназия имени Григория Шелапутина в Оболенском переулке, открытая 28 сентября 1901 года». Фотография этого же дома помещена в одном из сборников воспоминаний, вышедшем к шестидесятилетию М. А. Шолохова. Но она сделана позднее, и на ней, если взять лупу, можно прочесть надпись, протянувшуюся над арочными окнами по фронтому здания, удостоверяющую, что это гимназия имени Григория Шелапутина.

Вот сюда и приходил по утрам «года два-три» гимназист Михаил Шолохов. Парадный фасад довольно мал, но здание крупное, оно тянется вглубь двора метров на сто пятьдесят, где повышается на этаж и завершается пристройкой, служившей, очевидно, актовым или спортивным залом.

* * *

Откуда же являлся сюда гимназист Миша Шолохов? На этот вопрос ни одна из литературоведческих книг не дает ответа. Ясно, десятилетний гимназист жил где-то поблизости. Устраивая единственного сына в гимназию, отец, оставляя ребенка в Москве, должен был позаботиться и о его жилье, и об опекунах.

Шолоховы – выходцы из древнего города Зарайска, ныне районного центра Московской области, некогда входившего в состав Рязанской губернии. Зарайск считался тогда одним из лучших городов «как по наружному виду, так и по внутреннему развитию своей жизни и деятельности». В середине прошлого века в нем проживало 1700 купцов! Из Зарайска приехал в молодости на Дон служить приказчиком у купца дед будущего писателя Михаил Михайлович Шолохов. У него было восемь детей, среди них – четыре сына. Это большая родня.

Я сначала допустил, что маленького Мишу устроили к кому-нибудь из купеческой родни в Москве.

Но это было предположение, основанное на знакомстве с известными фактами биографии писателя. Вот почему, чтобы получить точный ответ на интересующий вопрос, я написал короткое письмо и отправил его в Вешенскую, адресуя Михаилу Александровичу. Просил его ответить на несколько вопросов, в том числе на наиболее меня интересовавший:

«Где Вы жили в Москве, будучи гимназистом?».

В начале 1984 года дочь писателя М.М. Шолохова привезла мне ответы отца на эти вопросы.

Первый ответ такой:

«На Плющихе, в Долгом переулке».

Переименованный в улицу Бурденко, этот переулок тянется между Плющихой и Большой Пироговской улицей, перестроенный в последние годы, потерявший много старых зданий. Он сохранил лишь несколько одноэтажных особняков и бывших доходных, этажей в пять, жилых домов. И не исключено, подумал я, что среди них дошел до нас и тот, где Шолохов прожил в Москве несколько лет.

Конечно, это совпадение, но на Плющиху привозили в Москву с той же целью, что и Михаила Шолохова, чтобы учиться, Льва Толстого. Дом его сохранился в начале Плющихи, под № 11, – это бывший особняк с мезонином.

От бывшего Долгого переулкa недалеко и до бывшей гимназии имени Г. Шелапутина. Я прошел гимназический маршрут Миши Шолохова – он занял минут десять. Идти можно и по Большой Пироговской, и по нынешней улице Льва Толстого, где за высокой оградой притаилась усадьба писателя. И не исключено, что мимо нее по дороге в гимназию не раз проходил будущий автор «Тихого Дона».

Ответил на первый вопрос Шолохов по-старомосковски, когда переулок непременно привязывали к «своей» улице. Нужно было обладать необыкновенной памятью, чтобы спустя семьдесят лет точно вспомнить название улицы и переулкa, где довелось в детстве прожить

несколько лет. Такой памятью обладал Михаил Шолохов, что подтверждают и другие удивительные факты.

Фотография Миши Шолохова в форменной гимназической рубашке не раз публиковалась в книгах, посвященных его жизни и творчеству. На этой фотографии он снят рядом со своим одноклассником в точно такой же форменной рубашке. Кто и когда, где фотографировал гимназистов? Кто снят рядом с Мишей Шолоховым? На эти вопросы ответа не было...

Плющиха и Долгий переулок, подобно другим старинным московским улицам, связаны с именами многих русских писателей и художников. В тот самый 1914 год, когда отец Михаила Александровича Шолохова впервые привез своего девятилетнего сына в Москву, чтобы показать московским окулистам, в Долгом переулке, в сохранившемся до наших дней доме под № 14, поселился академик Иван Бунин. В разное время Плющиху с ее уютными и тихими домами, считавшуюся окраинной улицей, называли своей Плещеев, Фет, Суриков... На втором этаже небольшого полукирпичного, полудеревянного дома Василий Суриков писал «Утро стрелецкой казни», а под высокими окнами его мастерской проходили люди, облик которых нередко напоминал героев создаваемой картины...

Публикуя в «Московской правде» очерк «Шолохов жил на Плющихе», я надеялся, что его прочтет кто-нибудь из москвичей, бывших учеников шелапутинской гимназии, или даже тот, кто знает, где находится дом, давший кров будущему автору «Тихого Дона»...

Расчет оправдался. В тот же день, как был напечатан очерк, в редакции раздался телефонный звонок коренной москвички Марии Сергеевны Ермоловой:

– Шолохов жил в доме моего свекра Александра Павловича Ермолова, учителя шелапутинской гимназии. Могу вам кое-что рассказать и показать. Приходите...

Не теряя времени, я отправляюсь по указанному адресу и узнаю то, что так долго не удавалось выяснить. Но прежде, чем встретиться с М. С. Ермоловой, заглянул в уже не раз выручавший том адресно-справочной книги «Вся Москва» за 1915 год, где оказались сведения об учителе гимназии А. П. Ермолове. Он упоминается на страницах тома дважды. Первый раз в списке преподавателей казенной гимназии имени Г. Шелапутина: «Ермолов Алдр. Пав. Препод. приг. кл. ттс.» Из этой справки явствует, что Александр Павлович Ермолов был учителем приготовительного класса и имел чин девятого класса табели о рангах – титулярного советника.

Второй раз его фамилия значится в алфавитном указателе адресов жителей Москвы: «Ермолов Алдр. Пав. ка. Долгий п., 20. Т. 33–95, Моск. гимн, им. Григ. Шелапутина; Реальн. Учил-ще Анат. Шелапутина, учит. пения».

И в этой второй справке документально устанавливается, что жил Александр Павлович Ермолов в доме № 20, в Долгом переулке. Эта информация дополняла сведения о нем: из нее явствует, что служил он не только в гимназии, но и в располагавшемся рядом с ней реальном училище имени Анатолия Шелапутина, где преподавал пение. В этом списке значится учитель в чине более высоком – коллежского асессора; очевидно, в этот раздел попали более свежие данные.

Примерно такая же справка об учителе имеется и в последнем из вышедших до революции справочнике «Вся Москва» за 1917 год, с той лишь разницей, что к этому времени он получил повышение в чине и был уже «кс», то есть – коллежский советник. В этом томе приводится схема Долгого переуллка, на которой хорошо видно, что в него впадает пять других старомосковских переулков, в том числе два Трубных и два Неопалимовских, располагающихся между Плющихой и Смоленской улицей, упиравшейся в Зубовскую площадь. Вот мимо них и следовал по утрам на уроки гимназист Михаил Шолохов с ранцем за плечами, сопровождаемый учителем...

Получив все эти сведения, я, прежде чем встретиться с Марией Сергеевной Ермоловой, проехал в бывший Долгий переулок с надеждой увидеть дом № 20. Но увидел под этим номером здание новой архитектуры, выстроенное для одного из посольств... Больше повезло сохранившимся соседним, в несколько этажей, доходным домам, в том числе тому, где проживал Иван Бунин...

Оставалось теперь узнать, что же сохранилось в памяти и в семейном архиве там, где меня ждали. И вскоре на другом конце Москвы, в Черемушках, я получил ответы на многие свои вопросы от первого свидетеля, который встретился на моем долгом пути «частного расследования».

Раскрыв альбом семейных любительских фотографий, вижу бывшего учителя приготовительного класса гимназии имени Г. Шелапутина Александра Павловича Ермолова. На одной из них (ее Мария Сергеевна Ермолова считает наиболее характерной) учитель снят лежащим в жаркий летний день в хорошо скроенном и отутюженном костюме на стоге сена, а рядом с ним с одной стороны виден зонтик от дождя (в ясный-то солнечный день!), а с другой – кожаный футляр фотоаппарата «Кодак».

Всегда и при любых обстоятельствах Александр Ермолов не забывал о своем высоком звании учителя, всегда выглядел подтянутым, будь то на уроке в гимназии или дома. Преподавал он не только пение, как значится в справочнике, но и рисование. Как многие художники, после появления фотографии увлекался фотоделом, и этой его страсти мы обязаны тем, что сохранилось пять снимков, сделанных, по всей вероятности, в 1915–1916 годах во дворе дома № 20 в Долгом переулке. На них виден не только двор, обычная тогда дворовая собачья будка, стены и окна небольшого домика в два этажа, но и его обитатели. А среди них самый маленький по росту на снимках стоит всегда крайний. Это и есть Миша Шолохов, ученик московской гимназии.

Александр Павлович Ермолов с женой и сыном занимали квартиру под № 7 на втором этаже. Она состояла из нескольких комнат. Одну из них, продолговатую по форме, занимал его сын Александр, Саша, и его гимназический товарищ Михаил, Миша Шолохов. Учились они в одной гимназии под присмотром Александра Павловича и ходили вместе с ним в свой класс.

Итак, на снимке, о котором уже упоминалось в начале очерка, где Михаил Шолохов снят с гимназическим товарищем, сфотографирован Александр Александрович Ермолов, а снимок сделан А.П. Ермоловым.

Комната, где жили Миша и Саша, была обычной, как у многих московских гимназистов. В ней, кроме мебели, красовался глобус, на стене висели географические карты. Александр Павлович стремился привить сыну и Мише Шолохову любовь к живописи. Саша после выполнения домашних заданий обычно рисовал. Миша в это время что-то сочинял. А потом, когда заканчивал, просил:

– Послушай, что я написал...

Конечно, те гимназические сочинения Миши Шолохова не сохранились – никто ведь не предполагал, что крохотный гимназист станет писателем, которого признали при жизни великим.

Но несколько фотографий сохранилось. На одной из них – Миша и Саша. На других они сняты в компании гимназистов. Александр Павлович располагал мальчишек по росту – на фоне дома на дворовой лестнице, у собачьей конуры, где жил цепной пес, любимец детей, носивших ему лакомые куски.

Итак, мы располагаем теперь двумя шолоховскими адресами в Москве. Один на углу Оболенского переулка – бывшая гимназия Г. Шелапутина. Другой – в бывшем Долгом переулке, 20, на Плющихе. С ними связаны «года два-три» жизни в Москве.

Затем, как известно, родители увезли Михаила Шолохова учиться поближе к отчужденному дому. В Москву он вернулся через несколько лет. За это время свершились две революции,

прогремели две войны, мировая и гражданская; в последней войне принимал активное участие и бывший гимназист.

Только когда отгремели бои, и наступила мирная жизнь, Михаил Шолохов в солдатской шинели и папахе появляется в Москве.

* * *

Куда он направляется с вокзала? И на этот вопрос не было ответа. Литературоведы, повторяя один другого, упорно называли непонятно по какой причине Староконюшенный переулочек, где якобы у своего друга, молодого писателя Василия Кудашева, в его холостяцкой «большой комнате» жил приехавший в Москву Михаил Шолохов.

Все мне это показалось неправдоподобным. Я рассуждал так: чтобы поселиться у писателя, следовало, прежде всего, с ним познакомиться. Такое знакомство могло состояться лишь при особых обстоятельствах, скажем, в редакции журнала. Но прежде чем направиться в редакцию журнала, Михаилу Шолохову требовалось где-то остановиться, получить какую-то работу, одним словом, как-то устроиться. Вот поэтому я и взял под сомнение кочевавший по страницам «творческих биографий» писателя этот приятный сердцу каждого москвича литературный адрес – Староконюшенный переулочек.

Мой второй вопрос в письме в Вешенскую как раз касался этого момента биографии М. А. Шолохова. Я спрашивал:

«Где Вы жили после приезда в Москву в 1922 году?».

И получил ответ краткий и однозначный:

«Там же, где и первый раз, в Долгом переулочке на Плющихе».

Это было время, очевидно, самое нелегкое в жизни молодого Шолохова. К ста тысячам московских безработных прибавился еще один.

Вспоминая о тех днях на партийном собрании, где Михаил Шолохов проходил, как все в те дни, партийную проверку, он рассказывал («Правда» сообщила об этом читателям в номере от 31 июля 1934 года):

«В Москве я очутился в положении одного из героев Артема Веселого, который после окончания гражданской войны регистрировался на бирже труда. «Какая у вас профессия?» – спросили его.

– Пулеметчик, – ответил он.

Но профессия пулеметчика тогда уже не так была нужна, как во время гражданской войны».

Не меньше проблем встало перед приехавшим в Москву и Михаилом Шолоховым, когда ему пришлось устраиваться на службу. Биржа труда смогла предоставить в его положении только самую неквалифицированную работу – грузчика на вокзале. Шолохов таскал кули на Ярославском, работал каменщиком – мостил булыжные мостовые на разных улицах. «Несколько месяцев, будучи безработным, жил на скудные средства, добытые временным трудом чернорабочего». И добавляет: «Все время усиленно занимался самообразованием». Эти слова писателя из его автобиографии, написанной в 1934 году, также относятся к жизни в Москве.

Из Долгого переулочка Михаил Шолохов ходил на поиски работы, как все московские безработные, на биржу труда. Ее филиал, обслуживавший Красную Пресню и Хамовники, где жил тогда писатель, располагался на Большой Бронной, 20. Здесь находились, как свидетельствует «Вся Москва», издававшаяся в двадцатых годах, «секция чернорабочих» и «секция совторгслужащих». Вначале Михаил Шолохов получал направления на работу в первой секции. И только на следующий год им занялась секция «совторгслужащих».

(Забегая далеко вперед, скажу: Шолохов на всю жизнь сохранил привязанность к другу детства – Александру Александровичу Ермолову, прожившему до 1969 года. Он окончил институт, работал главным энергетиком и механиком одного из московских заводов. К нему, в Долгий переулочек, в дом, снесенный двадцать лет назад, писатель, будучи в Москве, наведывался и в предвоенные, и послевоенные годы.

Как вспоминает Мария Сергеевна Ермолова, обычно, когда писатель сидел за столом в гостях, его легковая машина, на которой он приезжал на Плющиху, в это время катала по Москве ребят всего двора. Им было по столько же лет, сколько Мише Шолохову, когда он проживал в Долгом переулочке, в маленьком московском доме.)

Однако Михаил Шолохов приехал в Москву не для того, чтобы мостить улицы, разгружать вагоны, подшивать бумаги. Как и тысячи его сверстников, успевших, несмотря на свои юные годы, повоевать наравне со взрослыми на фронтах гражданской войны, Шолохов жаждал учиться.

В то время путь к высшему образованию для него мог осуществиться только через рабфак, куда в принципе могли принять и с четырьмя классами гимназии. Но рабочий факультет требовал для поступления производственный стаж на заводе или фабрике, а его у бывшего «продовольственного комиссара» не было. Не было и путевки на учебу от комитета комсомола, поскольку Михаил Шолохов не состоял в рядах комсомола.

Итак, в августе 1923 года, то есть спустя год жизни в столице, Шолохов получил на бирже труда направление на должность счетовода в жилищное управление № 803 на Красной Пресне. И эта работа, не столь изматывающая и изнуряющая, как прежние, давала ему больше времени на самообразование и даже на литературную работу для газеты. В своем послужном списке Михаил Шолохов называет себя и журналистом. Первый его фельетон в газете за подписью М. Шолох появился 19 сентября 1923 года в «Юношеской правде» под названием «Испытание». И с подзаголовком «Случай из жизни одного уезда в Двинской области» (литературовед А.В. Храбровицкий высказывает по этому поводу мнение, что в газете случилась опечатка, и вместо Донской области прошла Двинская, не существующая, а потом так и повелось при дальнейших публикациях).

Второй фельетон написан на московском материале, его можно назвать автобиографическим, узнав в нем некоторые факты, относящиеся к жизни в Москве. Фельетон «Три» написан в форме диалога трех пуговиц, одна из которых принадлежала комсомольцу-рабфактовцу.

Судя по словам «Рабфаку имени Покровского посвящая», он навеян той жизнью, очевидцем которой был писатель, хорошо знавший быт рабфактовцев. С ними он, очевидно, успел к тому времени подружиться. История покупки брюк молодым комсомольцем, а затем вынужденной их продажи на Сухаревке, по-видимому, происходила на глазах самого Шолохова.

В таскавшем на вокзале кули комсомольце, распевавшем песню «Молодая гвардия», можно узнать самого автора. Герой фельетона, несмотря на эту работу, успевал и учиться: «Все время занимался самообразованием». Почти эти же слова мы встречали в автобиографии писателя.

Рабфак имени М. Покровского, куда мечтал поступить Михаил Шолохов, открылся при Московском университете и располагался на Моховой, 9, в историческом, так называемом старом здании университета, перед которым установлены статуи Герцена и Огарева. Известно яркое красочное полотно художника Константина Юона «Вузовцы», изображающее на фоне этого классического здания с портиком и фронтоном студентов – вчерашних рабочих и крестьян. Весь этот трехэтажный дом был передан рабочему факультету, где обучалось до тысячи человек.

В до предела лаконичных автобиографиях М. А. Шолохова, опубликованных в собраниях его сочинений, о жизни в Москве в начале двадцатых годов мало что говорится. Самая

подробная биографическая справка о М. А. Шолохове помещена в сборнике «Советские писатели. Автобиографии», составленном Б.Я. Брайниной и Е. Ф. Никитиной. Под этой справкой подписи писателя нет.

В свое время профессор Евдоксия Федоровна Никитина, сидя за своим большим столом в доме во Вспольном переулке, где она устраивала традиционные «Никитинские субботники», рассказала мне, как появилась эта справка. На ее просьбу написать автобиографию для готовящегося сборника М. Шолохов ответил: «Моя автобиография – в моих книгах».

– Что делать? – рассказывала Евдоксия Федоровна. – Я перечитала заново все написанное Шолоховым, все, что он говорил в беседах с литературоведами, на встречах с читателями, перечитала все книги о нем. Из всего этого собрала информацию. В результате получилось тридцать с лишним страниц машинописного текста. Их я послала в Вешенскую. Оттуда они вернулись с автографом Шолохова.

Так вот, открыв второй том книги «Советские писатели. Автобиографии», можно узнать некоторые подробности из жизни Михаила Александровича в Москве.

Хотя ему и не удалось поступить учиться в университет, тем не менее, годы, прожитые в столице, имели исключительно важное значение в его судьбе: в Москве будущий писатель учился самостоятельно и в литературных студиях, в общении с литераторами. В Москве началась сначала журналистская, а вслед за тем и писательская деятельность: здесь опубликованы все его фельетоны, а затем и рассказы, вышел «Тихий Дон». Москва признала его талант, вдохновляла на большие дела, открыла, хотя и не сразу, перед Шолоховым все свои двери...

Мы уже знаем первый московский адрес Михаила Шолохова 1922–1923 годов в Долгом переулке, на Плющихе. Но были и другие. Какие?

* * *

По страницам разных книг о Михаиле Шолохове, как я уже писал, кочует легенда, что он в начале двадцатых годов, приехав в Москву с мыслью учиться и писать, жил на квартире у друга – писателя Василия Кудашева в Староконюшенном переулке.

– У нового друга он жил некоторое время. Благо у него была большая комната, – поведал литературовед И. Лежнев в 1958 году.

– Позже выяснилось, что прибыл Шолохов с Дона, поселился в Староконюшенном переулке у друга Василия Кудашева, – дополняет эту версию другой литературовед, В. Гура.

Староконюшенный переулок с комнатой Василия Кудашева попал даже в наиболее подробную «автобиографию» Михаила Шолохова, составленную профессором Евдоксией Федоровной Никитиной.

Узнав все это, я было обрадовался: Староконюшенный переулок – сердцевина Арбата, где проживали многие великие русские поэты и писатели, и вот здесь-то, оказывается, начал свои первые шаги в литературе Михаил Шолохов...

Но прежде, чем искать шолоховский дом в этом арбатском переулке, я написал в Вешенскую письмо с вопросом Михаилу Александровичу:

«В каком доме жили Вы в Староконюшенном переулке у Василия Кудашева?».

И – получил ответ:

«В Староконюшенном переулке я тогда не жил...».

В жизни писателя произошло важное событие. Он уехал из Москвы на Дон, где его ждала невеста. После женитьбы, через несколько дней после нового, 1924 года, молодые приехали в Москву. «Здесь, – как сообщает сборник «Автобиографии», – сняли комнату в Георгиевском переулке. Испытывали материальные лишения. Нередко сельдь и две-три картофелины составляли все питание на день».

Относительно этого адреса можно сказать, что он верный. Поручкой тому – свидетельство Михаила Александровича.

На вопрос – жил ли он в Георгиевском переулке, как об этом упоминают «Автобиографии», – Шолохов ответил:

– Да, в Георгиевском переулке жил.

Но в каком именно? В старой Москве один из переулков протянулся в центре между Тверской и Большой Дмитровкой, вблизи от редакций газет и журналов, где бывал Шолохов. Этот переулок сохранил старое название и некоторые здания, в него можно пройти через арку дома в начале Тверской, где она полностью перестроена в тридцатые годы.

В этом районе Москвы остались дома, где помещались в двадцатые годы редакции молодежных изданий, чьи пороги пришлось обивать Михаилу Шолохову. Как сказано в томе «Автобиографий»: «Беготня по редакциям не нравилась молодому писателю».

Где находились эти редакции? На углу улиц Большой Дмитровки и Глинищевского переулка под № 156 располагалась «Юношеская правда», а также газеты «Рабочая Москва» и «Вечерняя Москва».

В «Юношеской правде» появились фельетоны за подписью М. Шолох. Сюда, на Большую Дмитровку, их автор приходил не раз. Позднее, после смерти Ленина, газета была переименована и стала называться «Молодой ленинец». Переехала она в здание в Леонтьевском переулке, 18.

Первый рассказ «Родинка» Михаилу Шолохову удастся, как и первые журналистские работы, напечатать в этой комсомольской газете. «Родинка» поступила в редакцию из Ростова, откуда ее по почте прислал автор.

Получив рассказ, редакция не сразу его опубликовала, хотя в целом он и понравился. В «Почтовом ящике» газеты 15 марта 1924 года появился такой ответ автору «Родинки»:

«М. Шолохову. Твой рассказ написан сочным, образным языком. Тема его очень благодарна. Не спеши, поработай над ним, очень стоит. Введи в него больше действия, больше живых людей и не перегружай образами: надо их уравновесить, чтоб один образ не заслонял другой, а ярче выделялся на фоне других. А. Ж.».

Этим «А. Ж.» был известный тогда поэт Александр Жаров. Первых фельетонов Шолохова, опубликованных в газете, он не запомнил, а вот присланный рассказ вызвал такую переписку.

О чем она, в частности, говорит?

Весной 1924 года еще не был решен окончательно вопрос, где пускать корни. Михаил Шолохов продолжал курсировать между Москвой и Доном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.